
А ночью было все совсем не так:
Выл ветер и ветвями бил по крыше,
И в суматохе торопились мыши
Занять никем не занятый чердак.

И перед тем как совершить ночлег,
На улицу мы вышли так привычно,
И что-то показалось необычным,
И это что-то называлось – снег.

Он шел. Он был застенчив, и в глаза
Глядел во все своими голубыми,
Как будто небо дергали за вымя
И сдаивали снег и чудеса.

Лилось на землю молоко добра,
Метались капельки, и крестики, и бусы,
И захотелось мысленно разуться
И погрузить ладони во вчера,

Туда, где ждали мы его во сне,
Туда, где не могли себе представить,
Что нет же высшей радости, чем таять
На волосах любимых где-то вне...

А небо опускалось на глаза,
И мыши тихо ёжились в чулане.
И возникало нежное желанье
Всё самое заветное сказать.

Ах, куда податься ночью зимней?!
В свежести морозного двора
Расцветает на деревьях иней,
И чего-то лепит детвора...

В том доме – по-прежнему смеются,
И в гостиной поспевают чай,
И гитарные аккорды льются,
Выгоняя за полночь печаль.

Мне податься некуда. Так вышло.
В том доме меня, быть может, ждут...
За окном зима рифмует крыши...
... Может заскочить на пять минут?

Выйти ночью. Что еще осталось?
В свежести морозного двора
Догорает свечкою усталость,
И чего-то лепит детвора.

Женщина в предновогоднем платье
Ждет меня у бледного окна.
Ах, как горячи её объятия!
Ах, как холодна сейчас луна!

...А на том же месте, как ни странно,
В середине старого двора,
Терпеливо, весело, старанно,
Чьё-то счастье – лепит – детвора.

Мне глаз твоих от звезд не отличить.
И там где полночь застывает в позе,
И лунный диск подверженный коррозии
По небу движется и медленно скрипит

Выходишь ты из вязкой темноты
И цедишь звуки, словно через сито,
И звуки попадают прямо в сети
Как рыба. Не теряя высоты

Плывет луна над нашей головой.
Земля молчит под нашими ногами.
Деревья в небо тычутся рогами.
И связь меж нами крепче половой.

И я гляжу, как мечутся в ночи
Твои глаза, похожие на звезды,
Твои глаза, похожие на версты...
Меня от них никто не отлучит.

Никто не отлучит от рук твоих,
От губ твоих и от волос послушных.
Ах, как бы в этом мире было б скучно
Без нас двоих.

Давай затеем уборку,
Будем греметь тазами,
Устроим маленькую разборку,
Маленькое цунами.

Я возьму мокрую тряпку,
Ты – растрепанный веник.
Я вымою полы вприсядку,
А, может быть, на коленях.

Все будет блестяще мокро,
Все будет предельно чисто.
Устроим головомойку
Бледным чашкам и мискам.

Ты будешь орудовать губкой,
Будешь дразниться пеной.
Я буду мокрые руки
Вытирать о свои колени.

Все будет звякать и ухать,
Все будет кружиться-вертеться.
На нашей маленькой кухне
Нам будет некуда деться.

Мы будем толкать друг друга
Локтями, плечами, спинами,
И будет бежать по кругу
Комната светло-синяя.

Затем пылесос завоет,
Всасывая наши крошки.
Солнечный луч на обоях
Выпрямит тонкие ножки

И по стене помчится,
Убегая от пылесоса.
А наши с тобой крупички
Будут стонать безголосо.

Мы пылесос вскроем,
Достанем наши частички,
Приклеим их на обои
Рядом с цветами и птичками.

На диван присядем устало,
Уставимся молча в стену,
И подойдет к финалу
Наша немая сцена.

Все чисто, все очень гладко,
Порядок глаза кусает.
Но прелесть вся в беспорядках –
И мы снова все разбросаем.